

Министерство высшего и среднего специального образования УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИМЕНИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

На правах рукописи

ЗАДЕРАКО

Виктор Григорьевич

**ИНСТИТУТ ОТВОДОВ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Специальность 12.00.09 — уголовный
процесс; судоустройство; прокурорский
надзор; криминалистика.

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Харьков—1978

Работа выполнена на кафедре уголовного права и процесса юридического факультета Ростовского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета.

Научный руководитель —
доктор юридических наук Т. Н. ДОБРОВОЛЬСКАЯ.

Официальные оппоненты —
доктор юридических наук Л. Д. КОКОРЕВ,
кандидат юридических наук, доцент Д. А. ПОСТОВОЙ.

Ведущее предприятие — Саратовский юридический институт имени Д. И. Курского.

Защита состоится « _____ » _____ 1978 г. в _____ час.
на заседании специализированного совета _____ по уголовному праву Харьковского юридического института имени Ф. Э. Дзержинского (г. Харьков, ул. Пушкинская, 77).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Автореферат разослан « _____ » _____ 1978 г.

Ученый секретарь специализированного совета
доктор юридических наук Ю. М. ГРОШЕВОЙ.

Б/н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы. Весь строй советского уголовного судопроизводства, все его институты и нормы подчинены стремлению наилучшим образом способствовать практическому разрешению задач борьбы с преступностью и укреплению социалистической законности. Но судопроизводство осуществляют люди. Поэтому среди множества уголовно-процессуальных институтов, направленных на решение указанных выше задач, есть институт, назначение которого состоит именно в том, чтобы обеспечить участие в процессе производства по каждому уголовному делу только таких лиц, чьи личные качества и взаимоотношения друг с другом не могут помешать установлению истины по делу и вынесению законного и обоснованного решения. Это—институт отводов.

Однако, несмотря на всю свою практическую значимость, институт отводов в советском уголовном процессе до сих пор не был предметом диссертационного или иного монографического исследования. За шесть десятилетий существования советского уголовного процесса только отдельные стороны этого института рассматривались в работах советских юристов (Г. З. Анашкина, Т. Н. Добровольской, В. И. Каминской, Л. Д. Кокорева, Э. Ф. Куцовой, В. З. Лукашевича, В. П. Нажимова, И. Д. Перлова, Г. П. Саркисянца, В. М. Савицкого, М. С. Строговича, Р. Д. Рахунова, П. С. Элькинд и др.) попутно с исследованием правового положения какого-либо из участников уголовного судопроизводства, принципов уголовного процесса или отдельных стадий движения уголовного дела.

Одного этого обстоятельства, видимо, было бы достаточно, чтобы признать проведение специального исследования правовой регламентации и практического действия всего этого института заслуживающим необходимых для этого времени и сил. Но дело не только в этом.

Изучение нормативных предписаний, регулирующих ныне основания, порядок и условия отстранения от участия в деле лиц, непосредственно ведущих производство по делу, и лиц, выполняющих в процессе вспомогательные функции, привело к выводу, что современный уровень развития этих норм еще

оставляет возможность (а в некоторых случаях и диктует необходимость) его определенного совершенствования. Успешное решение такой задачи имело бы существенное значение для повышения эффективности советского уголовного судопроизводства и соответствовало бы основному направлению в деятельности органов уголовной юстиции, намеченному XXV съездом Коммунистической партии Советского Союза.¹

На незаинтересованность, объективность и беспристрастность, как на наиболее существенные и важные условия успешной работы органов, защищающих советское государство от преступных посягательств, указывал В. И. Ленин. В телеграмме Орловскому губисполкому, направленной 12 апреля 1919 года по поводу ареста одного литератора, В. И. Ленин писал об «осторожности, беспристрастности расследования»² как об обязательном условии выяснения вопроса о виновности или невиновности лица, подвергнутого аресту.

Обеспечение объективности и беспристрастности лиц, ведущих производство по делу, как и обеспечение объективности, беспристрастности и компетентности ряда участников процесса, призванных содействовать объективному, полному и всестороннему исследованию и установлению обстоятельств конкретного уголовного дела, с чем неразрывно связан институт отводов, является неотъемлемым элементом социалистической законности, на основе которой, в силу статьи 4 Конституции СССР 1977 года, обязаны действовать все органы советского государства.

Именно это обстоятельство и позволило законодательно сформулировать в общесоюзном акте (ст. 18 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик) единый для всех этих лиц способ обеспечения их объективности и беспристрастности — указание на отстранение от участия в производстве по делу, если их объективность и беспристрастность в силу сложившихся в данном конкретном деле обстоятельств не может быть гарантирована. Свое же дальнейшее развитие и конкретизацию эти положения получили в уголовно-процессуальном законодательстве союзных республик.

Однако в настоящее время в республиканском уголовно-процессуальном законодательстве по-разному формулируются исходные нормы, определяющие основания к отводу; различно определен круг лиц, прилежащих отводу; не во всем

¹ См. «Материалы XXV съезда КПСС», М., 1976, стр. 82.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 280.

одинаков порядок рассмотрения и разрешения отводов. Такие отличия, едва высказанные какими-либо объективными причинами, давали основания предполагать их определенное негативное влияние на эффективность правоприменительного процесса и требовали проверки этой гипотезы изучением, обобщением и анализом практики. Представлялось также, что законодательные нормы об отводах нуждаются в дополнении их рядом существенных положений.

Целью работы и стало проведение специального исследования содержания и действия института отводов в советском уголовном процессе, определение его места в нашем уголовном судопроизводстве и выработка теоретических положений и практических рекомендаций, реализация которых способствовала бы совершенствованию предварительного расследования и судебного разрешения уголовных дел.

Научная новизна выдвинутых положений заключается в разработке наиболее существенных и нерешенных проблем института отводов советского уголовного процесса, а именно: определении сущности, задач и содержания данного процессуального института; изменении структуры института отводов, связанного с новым пониманием исходной нормы института. Автором разработаны предложения по определению тех направлений в развитии законодательства, которые, как представляется, способны создать наиболее благоприятные условия для более полного практического использования гарантийных свойств, заложенных в институте отводов; сформулированы новые или изменены редакции действующих норм уголовно-процессуального закона, регулирующих отношения по отведению участников процесса.

Достоверность выдвинутых диссертантом положений обоснована избранием в качестве методологической основы исследования положений материалистической диалектики, трудов классиков марксизма-ленинизма, решений съездов Коммунистической партии Советского Союза, постановлений Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР по вопросам улучшения работы органов МВД, прокуратуры и судов.

Автором были применены методы логического, сравнительно-правового и статистического исследования, анкетирование, интервьюирование.

Нормативную базу работы составили общесоюзное уголовно-процессуальное законодательство и уголовно-процессуальное законодательство союзных республик, а также зарубеж-

ное законодательство в части, относящейся к избранной теме. Учитывались, кроме того, руководящие разъяснения Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР, приказы и инструкции Генерального Прокурора СССР.

Эмпирическую базу диссертации составили: опубликованная судебная практика Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР; изучение 200 уголовных дел, находившихся в 1970—1975 гг. в производстве следственных и судебных органов Ростовской области, Краснодарского края (РСФСР) и Донецкой области (УССР), по которым в процессе их предварительного расследования или судебного разбирательства рассматривались и разрешались заявленные отводы; результаты проведенных автором в тех же регионах опросов 82 следователей и 74 судей, которым в практической деятельности поступали отводы. При проведении исследования использован и личный опыт работы автора в органах прокуратуры.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования были доложены на Северо-Кавказской региональной научной конференции «Развитие юридической науки и юридического образования на Северном Кавказе» в г. Махачкале в 1975 году, опубликованы в виде научных статей в журналах «Социалистическая законность» (1977 г.), «Советская юстиция» (1977 г.), «Радянське право» (1978 г.). Отдельные положения диссертации использовались в лекционно-пропагандистской работе Ростовским отделением общества «Знание». Ряд практических выводов и рекомендаций автора был опубликован (для служебного пользования) Ростовским областным судом, отделом юстиции Ростоблсполкома, а также прокуратурой Ростовской области в помощь практическим работникам.

Необходимость всестороннего, а не фрагментарного, как прежде, исследования правовой природы, содержания, значения и практического действия института отводов подсказала и структуру работы, состоящей из введения и трех глав.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы диссертации, значение предмета исследования и формулируются основные выводы, которые выносятся на защиту.

Глава первая—«Понятие, правовая природа и содержание института отводов в советском уголовном процессе»—посвящена преимущественно теоретическим вопросам темы, уясне-

ние которых позволяет определить содержание, место и значение института отводов в системе советского уголовного судопроизводства, цели этого института, причины, вызывающие его существование. Недостаточная исследованность в советской процессуальной науке теоретических основ института отводов обязала автора уделить им значительное место.

Среди проблем, возникающих в связи с деятельностью участников уголовного процесса, особое место занимает проблема соответствия участника конкретного уголовно-процессуального правоотношения его нормативным характеристикам, его законодательному «образу». Проблема такого соответствия, безусловно, не могла оказаться за пределами правового регулирования.

Статья 18 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года определяет общую позицию законодателя по этому вопросу следующим образом:

«Судья, народный заседатель, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, секретарь судебного заседания, эксперт и переводчик не могут принимать участие в производстве по уголовному делу и подлежат отводу, если они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в этом деле».¹

По своему содержанию и характеру связи с остальными нормами уголовно-процессуального права нормативное предписание, заключенное в ст. 18 Основ, может быть отнесено к общим нормативным предписаниям, регулирующим деятельность значительного числа участников процесса во всех стадиях движения уголовного дела. Оно является существенным положением, вытекающим из принципов советского уголовного процесса.

Правовое требование: при наличии указанных законом оснований отстранять от участия в уголовной судопроизводстве известных субъектов уголовно-процессуальной деятельности—обязано своим существованием правовой идее, отдельные стороны которой находят свое выражение в содержании ряда принципов советского уголовного процесса.

Выявление содержания конкретной правовой нормы, в том числе и нормы, предоставляющей возможность отвода участников уголовного судопроизводства, в качестве обязательного условия предполагает обнаружение ее связей с принципами права, ибо причины, породившие и определившие содержание каждой конкретной нормы, неминуемо должны находиться в сфере «исходных нормативно-руководящих начал, характе-

¹В дальнейшем этот акт для краткости именуется «Основы».

ризующих содержание права, его основы»,¹ т. е. в сфере принципов права.

Проведенный в работе анализ соотношения правового требования статьи 18 Основ с такими принципами, как: осуществление всей деятельности по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел в точном соответствии с законом; публичность процессуальной деятельности государственных органов по борьбе с преступностью; осуществление уголовного судопроизводства на началах равенства всех граждан перед судом и законом; принцип национального языка судопроизводства; обеспечение обвиняемому права на защиту; принцип объективной истины; независимость судей и народных заседателей и подчинение их при осуществлении правосудия только закону, показал, что само наличие и содержание нормативного предписания ст. 18 Основ не просто логически вытекает из существа этих принципов советского уголовного судопроизводства, но и по сути своей является непосредственным выражением каждого из них.

Своеобразно и отлично от только что описанного соотношение норм об отводах с такой группой принципов советского уголовного процесса, как состязательность судебного разбирательства; непосредственность исследования доказательств; осуществление правосудия по уголовным делам только судом; образование всех судов на началах выборности; коллегиальность рассмотрения и разрешения дел и равенство прав всего состава суда при исследовании доказательств и разрешении дела. По отношению к этой группе принципов нормы об отводах носят обеспечивающий (охранительный) характер.

Так, в частности, нормы об отводах непосредственно не вытекают из принципа состязательности, однако, отстранение от рассмотрения дела судьи, который в ходе судебного разбирательства преднамеренно стесняет права одного из участников процесса и препятствует его участию в процессе доказывания, обеспечивает надлежащую реализацию принципа состязательности, и без этих норм принцип состязательности в полной мере не мог бы быть реализован. Таков же механизм обеспечения и остальных принципов этой группы; нарушение этих принципов, при условии, что оно исходит от судей, прокуроров, следователей, лиц, ведущих дознание, а также экспертов, специалистов, переводчиков, секретарей судебного заседания на почве их личной заинтересованности и предвзятости, устра-

¹Д. Алексеев С. С. Проблемы теории права, Свердловск, 1972, т. 1, стр. 102. См. также: Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса, М., 1971, стр. 8, 28—29.

няется применением процессуальных санкций, заложенных в нормативных предписаниях об отводах.

Отражаясь в каждой из стадий по-своему, принципы уголовного процесса имеют единый объект воздействия—участников уголовного судопроизводства, ибо именно в их деятельности и реализуются принципы права. Этот общий для всех принципов момент и требует такого нормативного предписания, которое гарантировало бы осуществление соответствующих принципов в деятельности каждого участника уголовного судопроизводства. Таким нормативным предписанием и является требование закона об отводе участников процесса, осуществляющих руководящую или вспомогательную функции в уголовном судопроизводстве, если налицо обстоятельства, противоречащие цели и назначению деятельности каждого из них.

Непременными условиями, обеспечивающими выполнение задач, поставленных законом перед соответствующими участниками процесса, являются их объективность и беспристрастность по отношению к исходу дела и к гражданам, участвующим в нем. Эта потребность общественной практики должна найтись и находит отражение в законе.

Однако сформулированное в ст. 18 Основ требование к ряду участников процесса не быть лично, прямо или косвенно, заинтересованными в деле, по мнению диссертанта, не исчерпывает всех моментов фактической непригодности лица к надлежащему выполнению его процессуальных функций.

Понятием подобной заинтересованности не охватываются, например, такие случаи, когда отступление судьи, прокурора, следователя, эксперта и других указанных законом лиц от требований закона продиктовано не стремлением их к наступлению последствий, выгодных лично для них или их близких, а связано, например, с возникновением чувства острой неприязни к потерпевшему или обвиняемому, с предубежденностью в виновности подсудимого либо пристрастием из некриминального следования версии, оказавшейся впоследствии ошибочной. В таких случаях внутренние установки соответствующего лица не соответствуют той роли и назначению, которые отведены ему в уголовном процессе. Поэтому в диссертации сделан вывод, что условия пригодности субъектов уголовно-процессуальной деятельности к осуществлению в конкретном деле возложенных на них функций наиболее полно выражают такие взятые в совокупности категории, как объективность и беспристрастность.

Объективность — качество, суть которого заключена в требовании воссоздания подлинной картины совершенного преступления и правильной оценки вреда, причиненного им общественным отношениям, охраняемым законом.

Беспристрастность — качество, суть которого составляет требование непредвзятого и справедливого отношения к каждому субъекту уголовного судопроизводства.

Таким образом, объективность—категория, нацеленная на установление и оценку фактических обстоятельств дела, а непристрастность — на отношение к лицам, участвующим в деле. Абстрактно, конечно, можно представить себе каждую из этих категорий отдельно, но в динамике уголовно-процессуальных отношений они неразделимы и равноценны, как разнзначны и объекты, обеспечиваемые каждой из них, — интересы правосудия и законные интересы личности.

Нормативное выражение правила поведения, обеспечивающего объективность и непристрастность, возможно в двух вариантах: а) могут быть установлены обязательные и формально определенные признаки объективности и непристрастности должностных лиц по отношению к конкретному делу, являющиеся обязательным условием осуществления ими своих должностных обязанностей; б) нормативное предписание может заключаться в указании на негативные моменты, наличие которых предполагает необъективность и пристрастность при выполнении соответствующих обязанностей, в силу чего необходимо исключение таких лиц из процесса по данному конкретному делу.

Советский законодатель избрал второй вариант, поскольку обязанность для всех названных выше участников процесса быть в своей профессиональной деятельности объективными и непристрастными позволяет в одном нормативном предписании сформулировать единое для всех их правило поведения с указанием на обстоятельства, безусловно исключающие их участие в производстве по конкретному делу.

Как обоснованно отмечается в литературе (Л. Б. Алексеева, В. И. Каминская, А. А. Эйман и др.), общие нормы порождают необходимость использовать в дополнение к ним отсылочные моменты и оценочные понятия, поскольку полная формализация правил поведения (в особенности, связанных с психологическими категориями) невозможна.

Автор полагает, что категорией, наиболее близко стоящей к оптимальному выражению нормативного веления, направленного на исключение незаконного участия в конкретном деле

судьи, прокурора, следователя, лица производящего дознание, эксперта, специалиста, переводчика и секретаря судебного заседания, явилось бы указание в законе на наличие обстоятельств, вызывающих обоснованные сомнения в их объективности и беспристрастности. Поэтому в работе обосновывается отказ от использования в законе в качестве базовой категории понятия «личная, прямая или косвенная, заинтересованность».

По мнению диссертанта, статью 18 Основ уголовного судопроизводства целесообразно изложить следующим образом: «Судья, народный заседатель, прокурор, общественный обвинитель, следователь, лицо, производящее дознание, секретарь судебного заседания, эксперт и переводчик не могут принимать участие в производстве по уголовному делу и подлежат отводу, если имеются обстоятельства, вызывающие обоснованные сомнения в их объективности и беспристрастности».

Придание понятиям «объективность» и «беспристрастность» генерального характера не исключает необходимости прибегать для оценки некоторых более конкретных и четко выделенных ситуаций, к казуальным моментам. На основе анализа соответствующих статей УПК союзных республик эти моменты сведены диссертантом к трем группам:

- а) предыдущее участие в производстве по данному делу в ином процессуальном качестве;
- б) выполнение одним лицом разных процессуальных функций в одном производстве;
- в) особые отношения с участвующими в деле лицами.

В диссертации даны характеристика и обоснование юридической природы этих запретов участия в деле, а также необходимость дополнительно сформулировать в законе и некоторые специальные условия отстранения от участия в деле отдельных категорий участников процесса.

Запрет определенным лицам при указанных в законе обстоятельствах участвовать в деле (ст. 59 УПК РСФСР) реален лишь при обеспечении его соответствующими санкциями. Такой уголовно-процессуальной санкцией за нарушение указанного запрета и является отстранение соответствующего лица от участия в производстве по делу.

Поскольку наступление уголовно-процессуальной ответственности возможно лишь вследствие осуществления (реализации) уголовно-процессуальной нормы, в работе исследуется процесс применения соответствующих норм, условия эффективности правоприменительного процесса, а также дефекты правоприменительной деятельности по реализации норм об от-

водах, последствия таких отступлений и пути их предупреждения.

Реализация уголовно-процессуальных норм осуществляется через правоотношения. Действие норм об отводах порождает множество правоотношений широкого круга участников процесса, наделенных различным объемом прав и обязанностей. Однако, в принципе, эти правоотношения можно свести к двум видам: а) правоотношениям, вытекающим из самоотвода участника процесса; б) правоотношениям, возникающим в связи с заявлением отвода.

Самоотвод представляет собой обращение одного из перечисленных законом участников процесса к органу или лицу, наделенному полномочиями принимать решения, с сообщением о невозможности участвовать в производстве по конкретному делу. Обязательность же проверки самоотвода проистекает из зависимости достижения целей судопроизводства от соответствия реального поведения каждого субъекта уголовно-процессуальной деятельности модели его поведения.

Отвод—заявление об устранении от участия в деле лиц, осуществляющих производство по делу либо содействующих достижению истины, в связи с наличием обстоятельств, исключающих возможность их участия в судопроизводстве по данному уголовному делу.

Обязательность проверки такого заявления объясняется теми же причинами, что и обязательность проверки самоотвода. Право на заявление отвода и право добиваться его удовлетворения является одним из конкретных проявлений субъективных уголовно-процессуальных прав лиц, защищающих в процессе свои интересы, или лиц, представляющих таковые.¹

Реализация права на заявление отвода расширяет круг участников уголовно-процессуальных правоотношений, включая в них кроме отводящего и отводимого субъектов еще и органы, разрешающие отводы. Для этих органов поступление заявления об отводе означает обязательность рассмотрения и разрешения такого заявления по существу.

Чтобы заявленный отвод мог быть удовлетворен, он в соответствии с требованиями действующего законодательства должен быть обоснованным (т. е. названные отводящим основания должны соответствовать основаниям, указанным в норма-

---

¹Природа и содержание субъективного уголовно-процессуального права достаточно широко исследованы в процессуальной литературе в работах В. П. Божьева, Л. Д. Кокорева, Э. Ф. Куцовой, В. З. Лукашевича, Я. О. Мотовилова, М. С. Строговича, П. С. Элькина, на положения которых и опирается диссертант.

тивном предписании) и мотивированным (т. е. подтвержденным фактическими данными). Как субъективное право, право отвода включает в себя свободу распоряжения им.

Объектом исследуемых правоотношений, по мнению диссертанта, является правосубъектность отводимых участников процесса, т. е. судей, прокуроров, общественных обвинителей, следователей, лиц, производящих дознание, экспертов, специалистов, переводчиков, секретарей судебного заседания.

Анализ содержания норм об отводах, процесса применения этих норм и правоотношений, возникающих на их основе, приводит диссертанта к выводу, что совокупность норм об отводах образует целостный правовой институт, регулирующий в сфере осуществления правосудия отношения по обеспечению объективности и беспристрастности лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство или содействующих его осуществлению.

В советском уголовном судопроизводстве институт отводов носит подлинно гарантийный характер, обеспечивая надлежащую защиту как интересов правосудия, так и законных интересов личности. Присоединяясь к высказанному в литературе мнению о различном уровне действия процессуальных гарантий в обеспечении интересов правосудия и интересов личности (Л. Д. Кокорев, Я. О. Мотовиловкер), диссертант анализирует и определяет место института отводов в системе процессуальных гарантий, свойственных нашему судопроизводству, подчеркивая, что реализация института отводов в советском судопроизводстве обеспечена экономическими, политическими, идеологическими, юридическими гарантиями; содержание и действие этих гарантий анализируется в работе.

Глава вторая—«Отводы в стадии предварительного расследования дел». В ней, прежде всего, определяются участники правоотношений, порождаемых заявлением отвода, и раскрывается содержание прав и интересов, защищаемых подозреваемым, обвиняемым, его защитником, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями путем использования права на отведение прокурора, следователя и лица производящего дознание.

Едиличное собрание, исследование и оценка доказательств, отсутствие или ограниченность в стадии предварительного расследования состязательности, гласности и непрерывности способны чаще, чем в суде, породить неполноту и односторонность исследования материалов дела. Нейтрализация негативного действия этих условий, по мнению диссертанта, зависит не только от совершенствования порядка про-

ведения уголовно-процессуальных действий и принятия решений прокурором, следователем или лицом, ведущим дознание, но и от личных качеств прокурора, следователя, лица производящего дознание, а также от реальности обеспечения подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и представителям этих лиц возможности отвести пристрастных и необъективных лиц, ведущих расследование.

Необъективность и пристрастность этих должностных лиц нередко определяется их отношением к личности того или иного участника процесса. Факторы, же формирующие такую внутреннюю установку, связаны исключительно с личностью самого прокурора, следователя или лица, производящего дознание, ибо процессуальная самостоятельность этих должностных лиц в достаточной мере гарантирована законом и является правовым средством, обеспечивающим нейтрализацию внешнего воздействия на них, если бы таковое имело место. Диссертант присоединяется к высказанному в литературе мнению (Н. И. Николайчик, Е. А. Матвиенко), что факторами, способными сформировать ненадлежащую и вредную для дела внутреннюю установку лиц, ведущих расследование, являются их личная (прямая или косвенная) заинтересованность в исходе дела или избрание ими ошибочной версии.

Среди моментов, влияющих на избрание ошибочных версий, в диссертации выделяются и анализируются: а) характер выводов о виновности обвиняемого на различных этапах расследования; б) воздействие профессиональной деформации.

Изучение уголовных дел, по которым прокурорам, следователям или лицам, производящим дознание, заявлялись отводы, позволили выделить те действия и решения этих должностных лиц, которые чаще всего формируют у заявителя мнение об их предвзятости и необъективности, а в этой связи — и заявление об отстранении их от ведения производства по делу. К таким действиям и решениям относятся: разрешение ходатайств обвиняемых, потерпевших и других участников процесса; прекращение дел; приостановление производства по делу.

Вместе с тем, как это видно из следственной практики, большинство отводов, заявленных прокурорам, следователям или лицам, производящим дознание, содержат и мотивы, не основанные на законе. По оценкам диссертанта, основанным на изучении уголовных дел, содержащих заявления об отводе, надзорных производств по жалобам, содержащим просьбу об

отстранении от дела прокуроров, следователей или лиц, производящих дознание, а также на результатах социологических исследований, лишь каждый 7—8 отвод, заявленный на предварительном следствии, был обоснованным.

В ходе опроса 82 прокуроров и следователей Краснодарского края, Ростовской и Донецкой областей по проблемам, относящимся к практике разрешения отводов, 67 указали, что в необоснованных отводах они видят попытки: затянуть следствие, «избавиться от активного и знающего следователя», сбить расследование с правильного пути, дискредитировать результаты предварительного расследования. Лишь 11 человек указали, что считают необоснованные отводы искренним заблуждением лиц, заявивших отвод.

Особое внимание диссертант уделяет рассмотрению существенных для практики вопросов, носящих проблемный характер и связанных с заявлением самоотводов, например разрешению коллизии между обязанностью прокурора, следователя и лица, производящего дознание, при наличии оснований к самоотводу, немедленно устранить от участия в деле под угрозой недействительности произведенных ими действий и тем, что процессуальная обстановка, возникшая по делу, требует неотложного проведения процессуальных действий.¹

Практическая необходимость прибегать в процессе предварительного расследования дел к использованию специальных познаний специалистов и экспертов, как и необходимость при определенных условиях привлекать к участию в деле переводчика, обязывает законодателя предусмотреть в законе и такие средства, которые надежно обеспечивали бы объективность и компетентность каждого из этих участников процесса.

Рассмотрение правоотношений по отводу этой группы участников судопроизводства проведено в плане анализа тех дополнительных гарантий, которые закон устанавливает, исходя из особой роли субъектов в доказательственном процессе. В работе подробно анализируются понятие компетентности эксперта, специалиста и переводчика, ее правовые и организационные гарантии, а также практика разрешения вопроса о компетентности соответствующих лиц.

Существенным, по мнению диссертанта, пробелом в регулировании правоотношений по устранению из дела необъектив-

---

¹ Эту коллизию диссертант разрешает в пользу приоритета недопустимости промедления и отказа от проведения неотложных следственных действий.

ных и некомпетентных экспертов, специалистов и переводчиков, является отсутствие в законе указания на порядок отстранения их от участия в деле в случаях, когда отвод им почему-либо заявлен не был.

Участие в деле таких лиц препятствует правильному расследованию дела и поэтому не может быть безразличным прокурору или следователю. «Провоцирование» же ими отвода такому эксперту, специалисту или переводчику—метод, не согласующийся со всем строем советского уголовного процесса и этикой советского следователя и прокурора. Исходя из сказанного, в диссертации вносится предложение предоставить прокурору и следователю право отстранять от участия в деле и заменять другими заинтересованных, необъективных или некомпетентных специалистов, экспертов и переводчиков при отсутствии заявления им отвода управомоченными на то участниками процесса.

Анализ действующего законодательства и следственной практики убедил диссертанта в том, что в современных условиях круг лиц, в отношении которых должно быть разрешено заявление отводов, нуждается в расширении за счет включения в него начальника органа дознания и начальника следственного отдела.

Интересам правосудия и законным интересам личности соответствовало бы и положительное решение вопроса о недопущении к участию в роли понятых работников милиции, прокуратуры и суда; возможных свидетелей по делу; кого-либо из участников процесса или их представителей. Кроме того, в целях более полного обеспечения в процессе прав и законных интересов обвиняемого и потерпевшего, диссертанту представляется необходимым предоставить им право заявлять отвод понятым.

В главе третьей—«Отводы в судебных стадиях процесса»—исследованы теоретические и практические вопросы отводов, главным образом, участников процесса, впервые появляющихся именно в этих стадиях (судей, секретаря судебного заседания, общественного обвинителя).

Учитывая особую значимость объективности и беспристрастности судей, закон устанавливает дополнительные основания для их отвода и самоотвода.

В диссертации подробно исследуются эти дополнительные основания, анализируются пути формирования внутреннего судейского убеждения и обосновывается запрет повторного участия в деле судьи, уже разрешавшего это дело.

Убежденность — состояние уверенности в правильности принятого решения—при повторном разрешении тех же самых вопросов становится препятствием к их объективному познанию и оценке, поэтому при повторном рассмотрении дела тем же судьей установление объективной истины может быть затруднено естественной связанностью судьи своими предыдущими выводами. В этой связи автор полагает более последовательной, чем в УПК РСФСР (ст. 60), позицию УПК УССР (ст. 55), УПК Латвийской ССР (ст. 28) и УПК Грузинской ССР (ст. 54), запрещающих повторное участие судьи в рассмотрении дела после отмены не только приговора, но и любого определения или постановления суда, вынесенного с его участием.

Обосновывая закономерность и необходимость существования дополнительных гарантий объективности и беспристрастности судей, диссертант, вместе с тем возражает против предложения В. П. Нажимова и других авторов запретить председателям соответствующих судов, принесшим протест в порядке надзора, участвовать в рассмотрении соответствующего дела и подробно аргументирует свои возражения.

Судейскую незаинтересованность, конечно, нельзя понимать как отсутствие у судей всякого интереса к делу. Напротив, интерес к делу у судей (как и у прокуроров и следователей) должен быть, но этот единственно дозволенный законом интерес есть ни что иное, как стремление установить истину и принять справедливое решение, т. е. интерес публичный. Рассматривая отвод и самоотвод как форму реализации запрета судье при определенных условиях участвовать в производстве по делу, диссертант показывает сложности формулировки оснований к самоотводу, возникающие при нынешней редакции соответствующих норм закона.

Изучение судебной практики и анализ действующего законодательства свидетельствует о том, что в правовой регламентации вопросов, связанных с отводом судей, есть пробелы. Один из них—отсутствие в УПК союзных республик норм, регламентирующих отведение судей в стадии предания суду. Этот пробел особенно остро ощутим в тех случаях, когда из материалов, имеющихся в деле, видно, что лицо, действия которого будут предметом судебного разбирательства, имеет достаточно веские основания возражать против участия в деле данного конкретного судьи. При нынешнем положении судья до начала судебного разбирательства дела по первой инстанции лишен возможности заявить себе самоотвод, не могут заявить ему отвод и другие участники процесса. Отложение же реше-

ния этого вопроса до начала судебного заседания ничем не оправдано и практически делает всю предыдущую судебную деятельность беспредметной. С учетом этого диссертант присоединяется к предложению Р. Х. Батхиева распространить действие института отвода судей и на стадию предания суду.¹

Изучение практики заявления и разрешения отводов в судах показало, что существует определенная зависимость между заявлениями отводов и характером рассматриваемых судами дел. Так, в изученных диссертантом регионах по делам так называемого частного обвинения в 1970—1975 гг. отводы судьям заявлялись в 5—6 раз чаще, чем по уголовным делам иных категорий. В работе дается объяснение организационных и психологических причин такого положения, анализируется практика широкого удовлетворения отводов по делам этой категории и негативное влияние подобной практики на укрепление авторитета органов советского правосудия.

В параграфе, посвященном отводу прокурора и общественного обвинителя по делу, особое внимание уделено объяснению юридической природы возможности участия одного и того же прокурора во всех обычных стадиях процесса. Присоединяясь к предложению В. М. Савицкого о включении в ст. 68 УПК РСФСР указания, что осуществление прокурорского надзора за точным исполнением законов в любой стадии производства по делу не является препятствием для дальнейшего участия прокурора в этом деле,² диссертант дает этому предложению отличное от В. М. Савицкого обоснование.

В диссертации проанализированы нормы, регулирующие порядок и основания отведения от участия в деле представителей общественности. Диссертант полагает заслуживающими восприятия в УПК всех союзных республик нормы об отводах общественных обвинителей, имеющиеся в УПК УССР и УПК Эстонской ССР, и вместе с тем обосновывает необходимость различать основания к отводу общественных обвинителей и основания к устранению представителей общественности от участия в деле по инициативе самого суда.

Отрицательно решает диссертант вопрос о возможности заявления отводов общественному защитнику.

Самостоятельному анализу подвергнут в работе и вопрос о порядке рассмотрения отводов, одновременно заявленных в судебном заседании разным участникам этого этапа производства по делу.

---

¹ См. Батхиев Р. Х. О процессуальном положении народного судьи. Вестник МГУ «Право», № 2, 1975, стр. 87.

² Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М., 1971, стр. 81.

Проблемы действия института отводов в советском уголовном процессе многоаспектны, поэтому в диссертации некоторые вопросы рассмотрены лишь в плане их постановки с отнесением их углубленного исследования на будущее.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ
В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ АВТОРА:

1. Ленинские принципы законности. Развитие их в решениях XXIV съезда партии и последующих постановлениях ЦК КПСС. Изд-во Ростовской областной организации общества «Знание. Ростов-на-Дону, 1975, 1,5 п. л. (в соавторстве).

2. Отвод участников процесса по уголовному делу — «Социалистическая законность». 1977 г., № 7, с. 64—65.

3. О некоторых основаниях отвода участников процесса.—«Советская юстиция». 1977, № 17, с. 29—30.

4. Исходная норма института отводов в советском уголовном процессе (на укр. языке). —«Радянське право» 1978 г., № 1, с. 70—73.

Ответственный за выпуск: доцент В. Д. Финько.

Подписано к печати 12.IV 1978 г. Формат 60x90

Объем 1 печ. л., усл.-печ. л. Заказ 1266. Тираж 100.

Аксацкий участок типографии № 2, ул. Ленина, 4.